

КАК ПОСТРОИТЬ

Сегодня, когда с начала проведения экономических реформ в России прошло уже более 10 лет, можно сделать некоторые выводы.

Были ли реформы успешны, правильно ли они проводились, какова была экономика страны, доставшаяся в наследство от социализма, — об этом размышляет человек, сам принимавший участие в

моделировании методов выхода российской экономики из кризиса,

дважды входивший в состав

правительства, а ныне возглавляющий

Институт экономических проблем

переходного периода,

Егор ГАЙДАР.

Вопросы, вопросы...

За последние шесть-семь лет круг актуальных для обсуждения и теоретически интересных экономических вопросов существенно изменился. В начале реформ наиболее активно обсуждались три вопроса.

Первый вопрос — применимы ли в принципе рыночные законы к постсоциалистической экономике. Я и мои сторонники исходили из того, что скорее всего применимы, а наши оппоненты считали, что не применимы, поскольку экономика слишком «искоруженная» — монополия, не рыночная, без частной собственности и т.д. В частности, мы считали, что инфляция в постсоциалистической экономике будет денежная и спрсовая, а наши оппоненты — что это будет инфляция издержек. Но доказать ни то, ни другое было нельзя. Сейчас этот вопрос практически решен. Опыт России и других постсоциалистических стран показал, что инфляция и после социализма представляет собой в первую очередь денежный феномен, зависит прежде всего от динамики и структуры денежной массы и хорошо прогнозируется на основе денежных агрегатов. Очевидно, что в постсоциалистической эконо-

«ХОРОШИЙ» КАПИТАЛИЗМ

номике рыночные закономерности «работают».

Второй вопрос заключался в определении последовательности осуществления рыночных реформ. «Сначала освободить цены — потом приватизировать», «вначале либерализовать внешнюю торговлю — потом стабилизировать валютный курс» и т.п., или наоборот. В мировой истории не было опыта преобразования социализма, а значит, и готовых графиков проведения реформ. Да и требовать такого графика, как оказалось, в принципе нельзя, поскольку это, в свою очередь, предполагает гораздо больший контроль правительства над экономикой и более высокий уровень ее управляемости, чем это имеет место после краха социализма. На практике реформы начинаются в условиях общенационального кризиса. Разумное правительство пытается провести их в целом достаточно быстро и затем уже скорректировать, «расставить акценты», а жизнь показывает, что можно было сделать быстро, а что нельзя.

Сейчас трудно без смеха слушать рассуждения о том, что Россия в результате реформ превратилась в ресурсный придаток Запада. На самом деле это произошло задолго до начала реформ. Достаточно посмотреть на структуру нашей внешней торговли на протяжении последних сорока лет.

Третий вопрос был связан с порядком приватизации, с поиском схемы приватизации, позволяющей обеспечить эффективное распределение прав собственности. Опыт России и других постсоциалистических стран показал, что этот вопрос также не имеет теоретического решения, т.е. в принципе нет способа проведения эффективной приватизации в постсоциалистический период. При социализме не было легитимной частной собственности как таковой. Нужно было приватизировать государственную экономику при том, что имелись пересекающиеся претензии к социалистической собственности и каждая социальная группа (скажем, трудовой коллектив, региональная администрация, директора предприятий) претендовала на эту собственность. В таких условиях можно было найти лишь способы приватизации более или менее социально устойчивые, позволяющие не впадать в крайности.

Эти вопросы, повторяю, были в центре внимания в начале реформ, но сегодня с научной точки зрения они малоинтересны. А вот что по-прежнему интересно, так это причины резкого падения производства после крушения социализма. Те, кто в свое время писал о возможных реформах, не могли представить себе масштабы действительного падения производства. Достаточно вспомнить статью Г. Оффера 1987 года, суммирующую все имевшиеся на тот момент сценарии развития Советского Союза. Совершенно очевидно, что в то время никто не ожидал катастрофического краха социализма и появления гигантских экономических проблем, им порожденных.

«Голландская болезнь»

Однако крах наступил, и сопутствующие ему проблемы встали во весь рост. Тогда ситуацию в постсоциалистических странах невольно стали сравнивать с положением в Китае, давно проводившем упорядоченные реформы. Появилась гипотеза о том, что одновременные быстрые реформы

выводят социальную систему за границы приспособляемости и экономика реагирует на это не структурной перестройкой, а бурным сокращением экономической активности. Эта гипотеза была более или менее убедительна в 1991-1993 годах, но теперь опровергнута жизнью. Действительно, если она верна, то падение производства должно было быть меньшим в странах, которые после развала социализма начали постепенные реформы. Но это никак не подтверждается опытом Украины, Белоруссии, Казахстана. Данные 25 переходных экономик показали, что эта гипотеза полностью противоречит фактам, демонстрирующим прямо противоположную зависимость. После развала социализма именно те страны, которые пошли наиболее последовательным и решительным путем, первыми восстановили способность к экономическому росту. Дело в том, что глубинные причины падения производства в постсоциалистических странах связаны не с реформами, а с экономическим феноменом, известным под названием «голландская болезнь», т.е. неустойчивым экономическим ростом, базирующимся на преходящих источниках.

Неустойчивый экономический рост сформировался в недрах социалистической экономики, которая представляет

Задача разумной экономической политики состоит не в сохранении, а в как можно более быстрой трансформации сложившихся социалистических связей и структур. Именно поэтому те страны, которые проводили наиболее радикальные реформы, быстрее восстановили возможности экономического развития.

собой масштабную аномалию в истории экономического развития. Для этой аномалии наиболее характерно отключение рыночных механизмов микрорегулирования. Это в некотором смысле резко расширяло свободу макроэкономического маневра для социалистических правительств. Действительно, если в экономике работают рыночные механизмы, то нельзя прямо управлять нормой сбережений или уровнем налоговых изъятий. Рыночная экономика реагирует на попытки такого грубого воздействия блокирующей ответной реакцией, ограничивающей экономический рост. Если же микромеханизмы рыночного регулирования отключены, то такой блокировки не происходит, и можно, например, при низком уровне экономического развития перераспределять большую часть ВВП через бюджет без видимых последствий для экономического роста. Аномально высокие в рыночном смысле поступления в бюджет, например, могут направляться государством на капитальные вложения, обеспечивающие индустриализацию и дальнейший рост. Такое развитие никак не увязано с экономическими интересами. Однако оно может быть успешным, в особенности если опирается на дешевые и избыточные ресурсы и если имеются высокоразвитые страны, технологические параметры и структура экономики которых может служить ориентиром для индуцируемого государством роста. Социалистическая индустриализация полностью укладывается в такую аномальную модель.

До определенного момента она работает вполне успешно. Создается впечатление, что без рынка можно легко решать сложнейшие задачи экономического развития. Недаром в 50-е годы на Западе вполне серьезно обсуждалась возможность для Советского Союза стать мировым экономическим лидером. Однако этот впечатляющий рост был далек от совершенства и содержал в себе внутренние ограничения.

Аномалии социализма

Первая его характерная черта — отставание сельского хозяйства. Причем это не отставание на фоне более быстрого роста промышленности, а прямая стагнация аграрного производства. Исторически это хорошо прослеживается и в СССР, и в Китае. Индустриализация в этих странах проводилась в значительной степени за счет ресурсов сельского хозяйства. Продовольствие экспортировалось, а вырученные за него средства направлялись в промышленность. Но на каком-то этапе недоинвестированный аграрный сектор уже не только не мог выполнять роль донора, но перестал обеспечивать и минимальные потребности в продовольствии. В СССР это происходит на рубеже 50-60-х годов, в Китае — в середине 70-х. Приходится переходить от экспорта к импорту продовольствия. Но на чем тогда основывать индустриализацию?

Вот здесь и проявляется вторая характерная черта социалистического роста — крайняя слабость конкурентоспособности обрабатывающего сектора. Социалистической экономике свойственна сильная протекционистская защита обрабатывающего сектора. В благоприятных условиях этот

сектор может худо-бедно обеспечивать потребности страны, но никак не может стать источником валютных поступлений. Достичь этого не удавалось ни социалистическим странам, ни странам, осуществлявшим импортзамещающую протекционистскую политику. Низкая экспортоспособность — одна из характерных черт социалистической обрабатывающей промышленности, выросшей вне рыночной конкуренции и в «тепличных» протекционистских условиях. Обрабатывающий сектор не дал социалистическим странам необходимых ресурсов для дальнейшей индустриализации и роста.

Выяснилось, что в конце концов источником валютных поступлений может быть только сырьевой экспорт. Этот экспорт долгие годы и определял темпы социалистического роста. Чем больше была сырьевая обеспеченность страны, тем дальше она смогла продвинуться по пути социалистического роста, и наоборот. Именно сырьевой обеспеченностью социалистической страны определялись сроки ее выхода из социализма, а не «прозорливостью» ее политических лидеров. Китай столкнулся с сырьевыми ограничениями гораздо раньше СССР и поэтому раньше начал реформы.

Фундаментальная же проблема Советского Союза заключалась в том, что он был в сырьевом отношении чрезвычайно богатой страной. Опыт СССР показал, какие огромные проблемы может порождать ресурсное богатство страны. Сырьем можно было заплатить за продовольственный импорт, обеспечить капитальные вложения и экономический рост. В связи с этим сейчас трудно без смеха слушать рассуждения о том, что Россия в результате реформ превратилась в ресурсный придаток Запада. На самом деле это произошло задолго до начала реформ. Достаточно посмотреть на структуру нашей внешней торговли на протяжении последних сорока лет.

Богатые страны, в отличие от нас, могут позволить себе иметь нехитрые налоговые системы. Наша же налоговая система должна быть простой «как бревно», с минимальным количеством исключений, с ограничением любых возможностей уклонения от налогов.

Нефть и капитал

В конце 70-х — начале 80-х годов экономика страны становится чрезвычайно открытой и зависимой от мирового рынка. На структуру производства и потребления определяющим образом влияет конъюнктура мирового рынка топливно-энергетических ресурсов.

В то же время меняются условия добычи топливно-энергетических ресурсов, прежде всего нефтедобычи. Пока в разработке находились новые богатейшие месторождения, себестоимость и капиталоемкость добытой нефти были низкими. Однако уже в начале 70-х специалистам стало ясно, что дальнейшая эксплуатация имеющихся месторождений приведет к резкому росту затрат, причем к росту не на проценты, а в несколько раз. Что, собственно, и произошло. Нужно было либо искать и вводить в эксплуатацию новые богатые месторождения, либо выделять на поддержание добычи в старых нефтяных районах гигантские капиталовложения. Однако взять эти капиталовложения было негде, т.к. значительная часть доходов от торговли нефтью направлялась в военно-промышленный комплекс и на обеспечение других текущих нужд страны. Нефтяная рента оказалась потраченной, нефтедобыча недоинвестированной. В результате уже в середине 80-

годов экономическое положение Советского Союза стало предельно неустойчивым: истощился последний источник социалистического роста.

С 1988 года, когда начинается постепенно ускоряющееся падение добычи нефти, экономика Советского Союза оказывается в порочном кругу. Добыча нефти падает — углубляется кризис энергоемкой неэффективной структуры народного хозяйства — ограничиваются возможности капитальных вложений в нефтедобычу — добыча нефти падает еще быстрее — кризис становится еще глубже.

Интересно заметить, что с падением нефтедобычи мы как бы возвращались к структурным характеристикам нашей же экономики, соответствующим более низким уровням нефтедобычи в предшествующие годы.

Эта же логика прослеживается в вассальных восточноевропейских странах, которые не имели самостоятельных экономик и не могли жить без ресурсной подпитки из СССР. В 70-е годы в этих странах экономический рост также базировался на перераспределенной советской нефтяной ренте. В те годы имел место резкий рост импорта топлива и энергии в эти страны, что позволяло им расширять свой экспорт неконкурентоспособной продукции в Советский Союз. С развалом союда-грия оказалось, что те страны-члены СЭВ, которые за счет дешевого энергетического импорта росли быстрее всего, попали в полосу наиболее глубокого спада. В тех же странах, где такой индуцированный советской нефтяной рентой рост был более умеренным, спад оказался не столь значительным. В результате практически все социалистические страны в низшей точке падения выходят на уровень промышленного производства 1975 года, но, естественно, с изменившейся в рыночных условиях структурой производства.

М. Горбачев и Н. Рыжков наследовали неустойчивую экономику с огромными структурными диспропорциями. Они этого совершенно не поняли. Все, что они делали: попытки «ускорения», антиалкогольная кампания и т.п., — было крайне непродуктивно в сложив-

шейся ситуации. Но это только определило масштабы кризиса и сроки его развертывания. Сам же кризис был задан предшествующей моделью индустриализации, ее противоречиями и внутренними ограничениями. Так же и в других странах: все попытки проведения экономической политики, направленной на сохранение сложившихся связей и структур, были непродуктивными. Эти связи и структуры невозможно сохранить в условиях рынка, поскольку они базируются на источниках, которых больше нет. Следовательно, задача разумной экономической политики состоит не в сохранении, а в как можно более быстрой трансформации сложившихся социалистических связей и структур. Именно поэтому те страны, которые проводили наиболее радикальные реформы, быстрее восстановили возможности экономического развития.

Как построить «хороший» капитализм

Сегодня российская экономика и экономики других постсоциалистических стран все еще характеризуются рядом аномалий. Увидеть эти аномалии можно, сравнив себя с себе подобными, т.е. со странами, сопоставимыми по уровню развития. В середине 80-х годов многие пытались сравнивать свои страны со Швейцарией, Швецией, США и т.д., логично предполагая, что если мы перестали строить, как оказалось, «плохой» социализм, то нужно строить «хороший» капитализм. При этом не принималось в расчет, что по уровню своего развития постсоциалистические страны не сравнимы с высокоразвитыми капиталистическими и что социализм оставил в наследство огромные проблемы. А значит, после крушения социализма нельзя позволить себе многое из того, что есть в промышленно развитых странах.

Главная постсоциалистическая аномалия состоит в том, что экономика, например наша, российская, не может иметь такой уровень государственного вмешательства, социальных гарантий и т.п., какой она фактически сейчас имеет. Это означает, что у нас изначально высокая государственная нагрузка на экономику и уровень налоговых изъятий, слабо совместимый с уровнем экономического развития. Однако по многим позициям нельзя дать и обратный ход, свернуть сложившуюся пенсионную систему, отобрать бесплатное образование, медицинское обслуживание и многое другое. Отсюда вытекают главные проблемы всей постсоциалистической экономической политики. То, как те или иные страны справляются с ними, определяет перспективы их роста.

Прежде всего нужно построить эффективную и понятную налоговую систему. Богатые страны, в отличие от нас, могут позволить себе иметь нелегкие налоговые системы. Наша же налоговая система должна быть простой «как бревно», с минимальным количеством исключений, с ограничением любых возможностей уклонения от налогов. При нашем экономическом положении нельзя с помощью налогов ре-

шать задачи стимулирования производства, поскольку на данном этапе это выходит за реальные возможности контролировать экономику. Только простая и понятная налоговая система позволит стабилизировать на каком-то приемлемом уровне государственные доходы.

Одновременно нужно отказаться от всего лишнего. Мы, например, до сих пор тратим огромные деньги на субсидии сельскому хозяйству. Эти деньги, в основном, идут не селу, а в коммерческие структуры, ворующие вокруг сельского хозяйства. В результате получаем историю с Федеральной продовольственной корпорацией, которая теперь будет скорее предметом изучения правоохранительных органов, нежели экономических. Это касается и других отраслей. Поэтому дотационная нагрузка должна быть сокращена. От того, в какой степени страна способна сократить отраслевые дотации, зависит сохранение социальной сферы. Мы оказались неспособны провести последовательную налоговую реформу и остановить падение налоговых поступлений, однако сохранили очень высокий уровень дотационной нагрузки на экономику. Поэтому весь удар падения государственных доходов приняла социальная сфера. В Польше и Чехии сумели за счет сокращения отраслевых дотаций не только сохранить, но и расширить социальную сферу.

В то же время нужно повысить эффективность системы социальной поддержки. Сегодня примерно 80% проходящих через эту систему средств не доходит до тех, кто в них действительно нуждается.

Далее. Снизив дотационную нагрузку, можно в разумной степени увеличить финансирование стержневых для нашей экономики направлений развития (поддерживать не нефте- и газодобычу, а, например, чрезвычайно высокий для нашего уровня развития образовательный, квалификационный, научный потенциал).

В принципе проблемы, стоящие перед российской экономикой, разрешимы. И здесь ключевым вопросом становится способность правительства проводить необходимые реформы — реформу социальных фондов и системы социальной поддержки, реформу межбюджетных отношений и налоговой системы.

В принципе проблемы, стоящие перед российской экономикой, разрешимы. И здесь ключевым вопросом становится способность правительства проводить необходимые реформы — реформу социальных фондов и системы социальной поддержки, реформу межбюджетных отношений и налоговой системы.

От того, в какой степени страна способна сократить отраслевые дотации, зависит сохранение социальной сферы. Мы оказались неспособны провести последовательную налоговую реформу и остановить падение налоговых поступлений, однако сохранили очень высокий уровень дотационной нагрузки на экономику. Поэтому весь удар падения государственных доходов приняла на себя социальная сфера.

градирующий бюджет, социальную нестабильность, неизбежную в этих условиях ограниченность частных капиталовложений, дальнейшее падение уровня производства, постепенное снижение образовательно-квалификационного уровня страны.

Мне очень трудно представить, что наше очень коалиционное правительство сможет эти реформы провести. С другой стороны, мы сейчас подошли к такому рубежу, когда эти реформы просто невозможно не проводить. Поэтому если правительство сможет избежать хотя бы некоторых ошибок из всех возможных, то уже в этом году можно создать базу экономического роста. **БК**